

С. Н. Сергеев-Ценский

**Пушки заговорили
(Преображение России - 6)**

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

С. Н. Сергеев-Ценский

Пушки заговорили (Преображение России - 6) / С. Н. Сергеев-Ценский – М.: Книга по Требованию, 2011. – 180 с.

ISBN 978-5-4241-1957-6

Историко-революционная эпопея «Преображение России» — главный творческий труд Сергея Николаевича Сергеева-Ценского (1875—1958), монументальное произведение, которое было задумано художником еще в начале его литературной деятельности.

"Преображение России" включает в себя двенадцать романов и три повести, являющиеся совершенно самостоятельными произведениями, объединенными общим названием.

ISBN 978-5-4241-1957-6

© Издание на русском языке, оформление, « YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, « Книга по Требованию», 2011

Сергеев-Ценский Сергей
Пушки заговорили
(Преображение России - 6)

Сергей Николаевич Сергеев-Ценский

Преображение России

Эпопея

Пушки заговорили

Роман

Содержание

Глава первая. - Первые шаги пушек

Глава вторая. - Сестры

Глава третья. - Художник и война

Глава четвертая. - Полк под огнем

Глава пятая. - На Пруссию

Глава шестая. - В тылу

Глава седьмая. - Царь в Москве

Глава восьмая. - Беспокойство мысли

Глава девятая. - Этюды в картине

Глава десятая. - Гумбинненское сражение

Примечания

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПЕРВЫЕ ШАГИ ПУШЕК

I

Так же точно, как русский император Николай II любил молчать и слушать, что говорят другие, германский император Вильгельм II любил говорить и наблюдать, как его слушают.

Громкий, резкий, самоуверенный голос его неумолчно раздавался и за обеденным столом во дворце, и в охотничьем домике в Роминтенском лесу в Восточной Пруссии, и где бы то ни было в другом месте, в интимном его кругу. Он был прирожденный говорун, всегда полный мыслей, которые, как ему казалось, имели бесспорно важнейшее значение для всех его подданных, начиная с канцлера.

Он охотно выступал и в церквах, как проповедник, одеваясь пастором. Считая себя исключительным знатоком всех искусств, он давал советы, звучавшие, конечно, как приказы, писателям, композиторам, художникам, архитекторам, скульпторам Берлина и других крупных городов Германии. Даже скромные, привыкшие рыться в прахе развалин древних городов археологи не могли избежать его многословных указаний. Даже богословы должны были часами выслушивать его соображения по вопросам их специальности: не он ли, император великой Германии, был гораздо ближе всех богословов к "старому германскому богу"?.. Даже Станиславский, режиссер Московского Художественного театра, приехавший на гастроли в Берлин, был вызван им в императорскую ложу, чтобы узнать от него, Вильгельма, как он смотрит на театр вообще и какие к нему требования предъявляет.

В день объявления Германией войны России - 19 июля 1914 года Вильгельм тоже счел нужным обратиться к берлинцам с пламенной речью.

Он говорил с балкона дворца. Момент был исключительный и толпа слушателей огромна.

Здоровой правой рукой кайзер делал широкие жесты, а в левой, бездеятельной сухой руке держал какие-то бумаги.

- Дети мои! - начал кайзер. - Дети мои! - повторил в полный свой голос. - Нам объявили войну! Изменически и подло русские объявили нам войну!.. Вот пачка писем русского царя в моей руке. В них меня уверяли в дружбе, а в это время на меня и на вас, дети мои, вероломно готовили нападение! Дети! Вы прочтете эти письма и увидите, что русские - изменники и предатели... Им мало того, чем они владеют, - они хотят подчинить себе все и всех! Они хотят, чтобы мы были их рабами. Но лучше умереть на поле чести, чем сделаться рабами этих варваров. Лучше смерть, чем позор, не правда ли, дети мои?

Что могла ответить толпа немцев на слова царственного оратора? Она притиснулась к самому балкону (кайзер говорил со второго этажа дворца), она заревела, завопила неистово:

- Nieder mit den Russen! Todt den Russen! Unser Kaiser hoch!*

* Долой русских! Смерть русским! Ура нашему императору! (нем.)

Вильгельм видел, что произвел впечатление, какого и ожидал. Ему пришлось сделать несколько взмахов правой рукой, пока толпа, наконец, затихла, и он смог продолжать:

- Дети! В тысячу восемьсот семьдесят седьмом году русские воевали с Турцией будто бы ради освобождения христиан от мусульманского ига. Мой дед, которого вы знали и любили, помог тогда России. Он думал, что русские действительно вели войну за христиан. Но они вели ее для себя. Они отобрали у румынского короля его земли и часть их взяли себе, часть отдали болгарам, которых подчинили своей власти. Это и значило, что они сражались за христианство!.. Они говорят, что защищают христиан на востоке. Мы знаем теперь, как они защищают. Они хотят сделать их своими рабами! Но разве мы худшие христиане, чем эти варвары? Почему они одни считают себя покровителями христиан? Мы сумеем их защитить и сами. Они же, русские, защищают разбойников и убийц сербов, которых наша верная союзница Австрия хотела наказать. Неужели же мы позволим им это сделать? Неужели позволим им, чтобы наши братья австрийцы попали в русское рабство?

И снова на прямой вопрос кайзера завопила толпа:

- Nieder mit den Russen! Todt den Russen!

Но не все еще было высказано кайзером. Снова он замахал рукой и, когда настала тишина, закончил так:

- Дети! Немецкий крестьянин зачастую не имеет клочка земли, чтобы посадить для себя картофель. Он доходит до того, что сажает картофель на крыше своего дома. А у многих русских помещиков земли больше, чем у баварского короля. Не забудьте, что через четверть века вас будет двести миллионов, так неужели же ваши дети будут умирать в русском рабстве? Неужели мы сдадимся? Нет, лучше смерть на поле чести! Правда, дети? Надо низвергнуть нашего врага! Долой русских!

Он ушел в комнаты с балкона, а толпа бросилась от дворца по улицам с криками: "Долой русских собак! Смерть русским!"

Вильгельм до разрыва и войны с Россией числился шефом русского пехотного Выборгского полка. Однажды, будучи еще молодым императором, он посетил царя Александра III летом, когда шли большие нарвско-царскосельские маневры. "Взяв" тогда вместе со своим подшефным полком какую-то высоту, он своим

подвигом так был доволен, что сказал командиру полка:

- Я горжусь тем, что состою шефом Выборгского полка. Я буду ходатайствовать перед государем, чтобы полк мой получил отличие.

- Полк уже имеет отличие, - отвечал полковник.

- О да, я знаю, знаю: серебряные трубы, - припомнил Вильгельм. - Но за что он получил их?

- За взятие Берлина в Семилетнюю войну в тысяча семьсот шестидесятом году, - браво доложил полковник.

Вильгельм нахмурился, но только на мгновение.

- Надеюсь, что больше уж никогда этого не будет, - сказал он и добавил: - Надеюсь, что мой полк получит от своего шефа золотые трубы за сражение не против моих войск, а вместе с моими войсками и под моей командой!

Это было сказано кайзером давно, но надежда стать во главе русских полков - Выборгского и других, изменила ему лишь теперь; однако в нем жила уверенность, что ненадолго. Только вместо добровольного подчинения русских войск ему, кайзеру Вильгельму, произойдет подчинение силой, которую непобедимые германские полки проявят в недалеком будущем на полях России.

Однако, по плану генерала Шлиффена, прежде чем привести к покорности Россию, должна была сдаться на милость кайзера ее союзница Франция.

II

Мысли многих людей, считавших себя передовыми, воплощенные в миллионы машин, придуманных для истребления, тяжело и грозно перешагнули через границу Германии, перешагнули через маленький Люксембург и вступили в Бельгию, чтобы с наивозможной быстротой перешагнуть и через нее и обрушиться на Францию.

Говорилось и писалось: в такой-то армии столько-то штыков, сабель, пулеметов, легких и тяжелых орудий, - и считалось, что этого вполне довольно для понимания.

Что оторванные от своих семей, от своих - больших ли, малых ли - мирных созидательных дел миллионы людей шли для того, чтобы направлять в других людей все эти машины сражений - зачем было говорить об этом? Тем более, что этих людей убеждали в том, что они творят свою, а не чужую волю, что творят великое и вечное: мировое господство Германии.

Сначала марш на запад, после того - марш на восток, - два победоносных марша, и - "до осеннего листопада", как говорил кайзер, Германия станет владычицею континентальной Европы.

Какая-нибудь иная мыслишка и могла допытываться оправдания для начала таких неслыханных и невиданных по своим масштабам военных действий, но оправдание было давно наготове и брошено ей походя, между прочим, с великодушным жестом возмущения: "На нас нападают, мы защищаемся, а самое лучшее средство защиты - самим напасть!"

Важно было подготовить солдат и офицеров; важно было дать им в руки самое лучшее оружие, первоклассную технику, которая могла быть изобретена где же еще как не в Германии, стране воинов; важно было рассмеяться, как Вильгельм, когда он говорил о французах: "Они думают еще бороться с нами, не имея тяжелых орудий!" Важно было, наконец, двинуть семь армий на запад, оставив восьмую охранять Восточную Пруссию от возможного посягательства русских, - и вот

заколыхалось, загрохотало, всех привело в ужас то, что называется войной, и где же могли найтись силы, способные остановить ее, остановить то, что совершалось по прекрасно обдуманному, разработанному во всех мелочах плану теми, кто хотел нового передела мира?

Главное было - план: систематически работающая мысль нанизывала силлогизмы на длинную и прочную нить, способную выдержать испытание времени. "Если такая-то из наших армий появится тогда-то и там-то, она займет то-то и то-то; если она займет то-то и то-то, этим она поставит под наш удар такие-то и такие-то крупные опорные пункты противника"... Цепь этих силлогизмов заканчивалась именно тем, что всего более хотелось всем в Германии: "К такому-то сроку (о, разумеется, к ближайшему!) победоносно будет закончена наша война".

С наименьшей затратой и сил и жизнью достичь наибольших результатов, какие когда-либо в истории человечества достигались каким-либо народом, разве не стоило ради этого забыть тьму мелких повседневных забот? Переявиться и тут же переродиться; почувствовать локоть товарища, шагающего с такой же винтовкой, как у тебя, - и вот ты уже на высшей ступени, на какую только могла вознести тебя жизнь: ты идешь раздавить Францию и привести к рабской покорности заносчивых парижан; оципантый тобою галльский петух будет биться в твоих мощных руках, пока ты не свернешь ему шею.

Мощь, ощущение непреборимой силы в твоём теле, разве это не полнота счастья? Но ведь не только это. Мобилизация физических сил немислима без такой же мобилизации сил духовных.

Где торжество силы, там торжество права; где торжество права, там торжество духа, в здоровом теле - здоровый дух, - и прочь все с земного шара, что вздумает противиться здесь или там нам, германцам! Наша победа в Европе явится прологом нашего победного марша по всему земному шару. Кто успеет подготовиться к борьбе с нами? Нет таких, и мы не дадим для этого времени тем, кто вздумал бы противодействовать нам.

Каждая наша победа в Европе будет растить и множить наши силы; с каждым новым шагом своим мы будем шире и шире: мы будем богаче, мы будем умнее, приобретая опыт, мы будем поэтому неодолимы.

У нас обдуманно все, чтобы мы не споткнулись на первых своих шагах, а от первых шагов наших зависят все остальные, так как мы должны внушать нашим противникам страх: где страх, там дрожь, и оружие сложено в кучу под белым флагом, а мы пишем в своих оперативных сводках: "Сопротивление сломлено".

Всего только два слова, но после них не о чем больше писать нам, людям, шагающим по дорогам вашим с оружием в руках. После этих двух слов надобно начинать новые оперативные сводки о ходе борьбы на другой территории и с другим противником, если планомерный и predetermined разгром его можно назвать борьбой.

Эти слова туманили мозг, как дурман...

Казалось бы, нет ничего капризнее и случайнее начала всякой войны, но тот, кто взглянет пристальнее в это начало, не может не сказать: в истории нет никаких событий, которые нельзя было бы обосновать.

III

Казалось бы, что держава, ставшая зачинщицей мировой войны, двуединая

монархия Австро-Венгрия и должна бы была в первые же дни войны развить могучее нападение на Сербию, к которому она давно уж готовилась и, наконец, собралась проглотить, однако именно в этом углу Европы, на Дунае и Саве, действия войск протекали слабо: австрийские батареи долбили через Дунай Белград, сербские им отвечали, и только. О вторжении в Сербию армий, приготовленных для этой цели, пока, в первую неделю войны, не было слышно.

Даже и России, которой объявила войну Германия, Австро-Венгрия не объявляла войны.

Произошло то, что опрокинуло сразу все хитроумные переговоры дипломатов: смертельно оскорблена была будто бы Сербией Австро-Венгрия. Ответ Белграда на ультиматум Вены оказался неприемлем будто бы для Австро-Венгрии; развязала войну в Европе будто бы Россия тем, что объявила мобилизацию своих сил в защиту Сербии. А под покровом всех этих конфликтов на востоке Европы семь германских армий - свыше полутора миллиона человек ринулись на запад, на Францию.

Англия не должна была выступать, это совсем не входило в расчеты Германии, но вдруг она объявила войну Германии и спутала все немецкие карты.

Выслушав от Бетмана за двадцать минут столько упреков, сколько в состоянии тот был подыскать, посол Англии Эдуард Гошен принят был и Вильгельмом, давшим ему прощальную аудиенцию, но император превзошел канцлера, как способен только талантливый артист превзойти бездарность.

Гошен увидел кайзера в английском маршальском мундире с английскими орденами, и не успел он сказать заранее приготовленную для столь исключительного случая фразу, как кайзер начал срывать с себя ордена и с силой швырять их на пол. При этом лицо его было, какое полагается только трагикам на сцене, и, когда последний орден был сорван и отброшен, он сказал Гошену, вернее выкрикнул, а не сказал:

- Доложите своему королю, что вы здесь видели!

Потом повернулся и стремительно вышел из комнаты. Когда же Гошен вернулся в посольство, то тут же следом за ним принесли ему и тот английский мундир, в котором был Вильгельм.

Ордена, сорванные с мундира, были потом по приказанию кайзера проданы так же, как и русские ордена. То же самое сделали с русскими и английскими орденами Мольтке и другие высшие германские офицеры: все-таки это насколько-то увеличивало общегерманские средства, ассигнованные на борьбу с внешними врагами.

На параде в главной квартире Вильгельм сказал войскам речь перед фронтом:

- Нам предстоит не одно сражение, но успех будет сопутствовать нам. В уповании на нашего старого бога мы доберемся до шкуры наших врагов. Мы хотим победить и должны победить!

Перед отправлением воинских поездов из Берлина (Вена тут же переняла это) на всех вагонах наклеивались плакаты с крупными надписями:

Ein Schuss - Russ; ein Stoss - Franzoss!*

* На каждую пулю - по русскому; на каждый удар штыка - по французу! (нем.)

И малейшего протеста против действий правительства, начавшего войну, было достаточно, чтобы солдаты или офицеры тут же арестовывались, выводились из вагона и заключались в военную тюрьму: армию очищали от тех, кто пытался мыслить. Армия, как и вся Германия, должна была пылать лютой ненавистью к русским, французам, бельгийцам, англичанам, сербам. "Оставьте врагам только глаза, чтобы они могли оплакивать свою участь", - это древнее изречение, которое любил повторять Бисмарк, повторяли теперь многие и многие в Германии, полностью обратившейся в военный лагерь.

Как верховный главнокомандующий, Вильгельм стремился делить со своей действующей армией труды и лишения боевой жизни, и для него устроили походный разборный дом в две больших комнаты - кабинет и столовая. Пол в этих комнатах был паркетный, мебель дубовая, стол накрывался на двенадцать персон.

Движения и действия войск были строго рассчитаны на каждый день, так как через две недели после начала войны должны были по плану взять Париж. На полуторамиллионную армию в Германии смотрели, как на машину, хотя и довольно сложного устройства, но вполне слаженную, правильно пущенную в работу и во столько-то единиц времени, при непременно участии старого немецкого бога, обязанную дать столько-то и таких-то ударов, смертельно сокрушительных для врагов.

И когда молодая, всего двадцатидвухлетняя герцогиня Люксембургская вздумала в виду приближающегося авангарда одной из немецких армий выехать к нему навстречу в обыкновенном кабриолете, стать на мосту через пограничную речку и сказать подъехавшему верхом немецкому лейтенанту: "Я не могу пропустить немецкие войска через земли Люксембурга!" - как лейтенант выхватил револьвер, направил его на герцогиню и закричал:

- Прочь с дороги, иначе я застрелю вас!

В этом крике было больше изумления, чем возмущения: немецкий лейтенант был удивлен тем, что услышал от герцогини. Действительно, как было не удивиться: Люксембург - маленькое, игрушечное государство, не имеющее даже армии, - не желает пропускать через свою территорию всемогущее германское войско!..

В тот же день герцогиня была отправлена в один из немецких замков на Рейне.

IV

Молодой немецкий лейтенант все-таки мог бы обойтись вежливее с молодой и наивной герцогиней, но он проявил ту самую "тевтонскую ярость", которую германский генеральный штаб счел нужным включить в вооружение армии.

Для того, чтобы победить врагов на западе и востоке в кратчайший срок, мало было воздействовать на них силой оружия на полях сражений, надо было еще и внушить им ужас, - так думали немцы.

Глаза живших в XX веке Вильгельма II и его генералов были обращены в седую древность. Как будто чарами волшебства вызывал генерал Шлиффен тень Аннибала и беседовал с нею, когда писал свою знаменитую книгу "Канны" и составлял планы военных действий против Франции.

Умерший незадолго до войны Шлиффен писал в последнем из этих планов: "Необходимо обязательно стремиться ударом в левый фланг французов отгеснить

их в восточном направлении на их крепости на реке Мозель, за горный хребет Юры, к границе Швейцарии, где французская армия должна быть окончательно уничтожена. Самое существенное условие для достижения германцами такого результата операций заключается в образовании сильного правого крыла, посредством которого германцы должны наносить французам удары и непрерывным преследованием (тем же мощным крылом) все время их добивать".

Необыкновенно просто и в высшей степени ясно. Это писал высший военный авторитет Германии. Его возраст в то время был близок к восьмидесяти годам. Он был настолько одержим этим "правым крылом", что повторял его и на смертном одре: "Только как можно сильнее крепите правое крыло..." и умер. Тень Аннибала несомненно спешила ему навстречу - ведь она нависла тогда над целой Германией.

Всех зачаровала победа Аннибала при Каннах, но все постарались в то же время забыть, чем кончился поход Аннибала на Рим. Хотя бы вспомнили, как Руссо изображал донесения Аннибала в Карфаген: "Я наголову разбил римлян пришлите мне еще войска; и наложил на Италию большую контрибуцию - пришлите мне денег!"

Седая древность внушила немцам XX века "тевтонскую ярость"; не зря в бесчисленных газетных статьях перед войною вспоминали они своих предков тевтонов, ходивших в шкурах убитых ими зверей и сражавшихся с римскими полководцами Марием, Суллой еще до Юлия Цезаря.

Однако и завоеватели азиаты, как Чингис-хан, Батый, Тамерлан, с их пирамидами из человеческих черепов, тоже воскрешались в памяти немецких пивоваров и торговцев готовыми платями. Всех немцев необходимо было заразить хладнокровной обдуманной жестокостью.

Стоило только Бельгии, обладавшей всего лишь немногим больше чем сотнею тысяч плохо обученного войска, выступить на свою защиту, как на нее обрушилась "тевтонская ярость": уничтожен был мирный старинный культурный город Лувен, стерты с лица земли многие деревни, лежавшие на пути германских корпусов, поголовно перебиты или сожжены в горевших домах их жители.

Сильнейшая бельгийская крепость Антверпен находилась на берегу моря, вдали от спешивших к французской границе немецких армий. Но на пути их досадно торчали две небольшие крепости - Льеж и Намюр. Их обходили главные силы, но все-таки необходимо было взять их, чтобы не оставить у себя в тылу.

Их предполагали взять за день, за два, но осада Льежа, неожиданно для Вильгельма и его начальника штаба генерала Мольтке - племянника бывшего победителя французов, - затянулась: бельгийцы оборонялись упорно, приковав к своим фортам несколько германских дивизий.

Когда Англия объявила себя в состоянии войны с Германией, Вильгельм надеялся, что, верные известной медлительности своих действий, английские войска если и появятся на континенте Европы, то не раньше как в самом конце трагедии Франции, как говорится, "к шапочному разбору", появятся, чтобы снова сесть на суда и плыть на свои острова. Однако, совершенно неожиданно для себя, он узнал вдруг, что англичане начали высадку, когда не были еще взяты ни Льеж, ни Намюр.

Пусть высаживались пока незначительные силы, но ничто ведь не могло помешать вслед за первым корпусом высадить второй, третий, четвертый... А потом,

разумеется, целая английская армия постарается ударить в тыл заходящему правому крылу немцев, соединившись с гарнизоном Антверпена.

С первых же дней война пошла несколько иначе, чем она рисовалась германскому генеральному штабу, не говоря уже о том, что предмет особых забот и попечений Вильгельма, его детище - флот оказался запертым англичанами, которые появились около всех выходов из Балтийского моря.

Только несколько крейсеров, застигнутых войною весьма далеко от германских берегов, могли принести какой-нибудь вред Англии, нападая на ее торговые суда, но они не в состоянии были, конечно, защитить обширные колонии немцев в Африке, Азии... Наконец, долго ли суждено было им, этим небольшим по тоннажу крейсерам, оставаться неуловимыми для мощных судов английского флота?

V

Досужие чины генеральных штабов Европы высчитали, что площадь сражений в Маньчжурии во время русско-японской войны была в десять раз больше площади сражений франко-прусской и в шестьдесят пять раз превосходила площадь сражений эпохи Наполеона. Так что, если бы, например, вместо маньчжурских равнин представить столовую в большом доме, то обеденного стола хватило бы для Мольтке-старшего, подоконника - для Наполеона, а такой великий воин древнего Рима, как Юлий Цезарь, вполне уместился бы на чайном блюде.

Но вот ареной войны с первых же дней августа 1914 года стала почти вся континентальная Европа, по которой разворачивались и двигались миллионные армии сильнейших государств, и воображение даже тех людей, которые всю свою жизнь посвятили изучению истории войн, отказывалось представить это во всей полноте.

Роль защитника Франции от нашествия тевтонов вручена была генералу Жоффру, человеку несколько старше шестидесяти лет, довольно высокого для француза роста, плотному, седоусому, прекрасного здоровья, большой энергии, не приверженного к спиртным напиткам и с безупречным послужным списком.

Унаследовав от своих предшественников по должности шестнадцать планов войны с Германией, Жоффр составил семнадцатый, причем самых важных мыслей своих все-таки не решился доверить бумаге.

Эти мысли обнаружили в первые дни войны. Они сводились к тому, что Жоффр не на левом фланге своем собрал наибольшие силы, а на правом, будучи твердо убежден в том, что немцы начнут военные действия только с двадцатью пятью корпусами своих войск, часть которых оставят к тому же для защиты Восточной Пруссии от русских.

Он представлял себе, что армия германцев в шестьсот приблизительно тысяч человек в достаточной степени распылится, пока дойдет до северных границ Франции, и может быть прорвана французами без особых усилий, а в это время, опираясь на крепости Бельфор, Туль, Эпиналь, Верден, Нанси, правый фланг французов обрушится на левый немцев, сомнет его, разгромит и отбросит.

Он не предвидел того, что в первый же день войны в германскую армию будут влиты еще двадцать пять резервных корпусов, что сразу удвоит ее силы. Война уже в самом начале своем значительно перерастала те масштабы, с которыми он свыкся в своем представлении за долгие годы подготовки к войне, а ведь именно